
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

O.V. Taratun
**The Development of Social
Justice Concepts in the Russian
Society: the Historical Context**

The historical and social-political context of social justice concepts development in Russia is presented. It is substantiated that in the frames of the philosophical and ontological approach justice is considered as the "supreme truth".

Key words and word-combinations:
social justice, ideals of social justice.

Представлен исторический и общественно-политический контекст развития в России идей социальной справедливости. Обосновывается, что в рамках философско-онтологического подхода справедливость рассматривается как «высшая правда».

Ключевые слова и словосочетания: социальная справедливость, идеалы социальной справедливости.

УДК 316.32(470+571)
ББК 60.52(2Рос)

O.B. Taratun

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Представления о справедливости являются важнейшим элементом морально-нравственного и социального развития личности, элементом политической, правовой и гражданской культуры. В то же время массовые интерпретации справедливости / несправедливости существенным образом воздействуют на динамику социальных отношений, приводят к трансформации общественно значимых процессов, меняют социальную и политическую картину мира.

В современной России проблема социальной справедливости стоит чрезвычайно остро. Массовое представление о том, какое общественное устройство является справедливым, объединяет социальные слои и во многом фундирует возникновение и конфигурацию политических институтов. Представления о социальной справедливости являются основой любой политической идеологии, они во многом определяют политические программы и риторику, методы

борьбы за симпатии электората, содержание политических процессов и состояние политических систем.

Социологические и политологические исследования сегодня показывают, что подавляющее большинство людей (68% по данным Фонда общественного мнения) считают современное социальное устройство российского общества несправедливым и даже гораздо менее справедливым, чем было в СССР [1]. Но несмотря на то, что людей объединяет общее отношение к современной российской действительности как к несправедливой, у различных социальных групп существует различное и часто весьма противоположное представление о социальной справедливости.

Рост политической активности населения, особенно молодежи в конце 2011 – начале 2012 г. (например, протестное движение, связанное с представлениями о «несправедливых» выборах в Государственную Думу, о «несправедливых выборах» Президента РФ, оппозиционные движения, требующие смены политической модели общества, националистические движения) в значительной мере актуализирует социологические и политологические исследования взглядов, мнений и интерпретаций социальной справедливости / несправедливости в различных социальных группах и общественных слоях, в том числе в региональном разрезе.

Изучение текущей ситуации во многом должно опираться на анализ процессов, которые влияли на общественное мнение в прошлом и приводили к формированию определенных социокультурных и поведенческих моделей, к определенному типу политической культуры и типологическим массовым интерпретациям социальной справедливости. Исследования представлений различных общественных групп о социальной справедливости в историческом контексте помогают понять культурологические и социальные причины многих современных политических идей и идеологий, причины дисфункциональности современных отечественных институтов, генезис внутренних социальных конфликтов и кризисов.

История общественно-политических идей в России неразрывно связана с историей российской государственности. Но представления о справедливости (о социальной справедливости, в частности) могут быть рассмотрены как глубинные, фундаментальные ценности, которые не претерпевают такого существенного изменения в ходе исторического развития социума, как государственные институты. Представления о том, что является справедливым, гораздо менее подвержены трансформации, чем политические институты.

Начало развития общественной и политической мысли, возникновение первых представлений о социальной справедливости и несправедливости исследователи связывают с возникновением Киевской Руси и принятием христианства. «Высшая справедливость» в духовно-богословской концепции Киевского митрополита Илариона («Слово о Законе и Благодати», XI в.) виделась во включенности Русской земли в общемировой процесс достижения победы божественного света над тьмой язычества, в движении всех православных людей к Судному дню, торжеству божественной справедливости [2]. В средние века православие послужило главной причиной распространения гумани-

стических идей и представлений о человеке как «образе и подобии Бога», было катализатором размышлений о справедливости как этически-нравственной и социальной категории.

В эпоху «просвещенного абсолютизма» (вторая половина XVIII в.) представления о социальной справедливости в России формировались под влиянием идей французского Просвещения. В этот период в России складываются два направления в развитии политической мысли: политико-правовая дворянская идеология и политико-правовые идеи зарождающегося просветительства и либерализма, направленные против крепостного права.

В первой половине XIX в. в России морально-ценностные модели социальной справедливости формировались под влиянием идей дворянского и буржуазного либерализма (Н.С. Мордвинов, М.М. Сперанский), революционной идеологии декабристов (Н. Муравьев, П. Пестель и другие), просветительства (А. Герцен, П. Чаадаев), революционного демократизма (А.И. Герцен, В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский), консервативной идеологии (С.С. Уваров, К.П. Победоносцев). Либеральное политическое мышление и либеральные идеи в России не стали всеохватывающими. Они имели в целом незначительное влияние, что объяснялось слабостью начал индивидуализма в российской культуре и экономике, сохранением принципов общности в хозяйственной жизни основной массы производителей.

Понятие «справедливость» в русской общественной мысли, как и в русской философии, было неразрывно связано с понятием «*правда*». Размышления о правде постоянно присутствуют в жизни не только русского философа, но и любого простого человека. «Всякий раз, как мне приходит в голову слово «*правда*», я не могу не восхищаться его поразительной внутренней красотой, – писал Н.К. Михайловский – Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски правда-истина и правда-справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое» [3, с. 74]. Правда выступает в данном случае как синкретичный социально-утопический народный идеал, в котором отражены и жажда блага для себя и всех людей, и вера в неземное, трансцендентное происхождение этого блага. В понятии «*правда*» могут не только сливаться понятия истины и справедливости, но и возникать онтологические представления о первоосновах бытия, всего сущего. Правда противопоставляется смерти, небытию, пустоте.

Социальная справедливость как понятие тесно связана с представлениями об общем благе, которое носит в российской культуре и общественно-политической мысли не индивидуалистический, а скорее соборно-коллективистский характер. Если в западном обществе носителями общего блага считаются все члены общества (все вместе и каждый в отдельности), то в России это, вероятнее, господствующие над индивидами институты – государственные или религиозные. Отдельный человек может достичь справедливости не иначе как со всем обществом; чувство справедливости тесно связано с соборным началом – индивидуальное благо несправедливо, оно не может уживаться со страданиями и бедами других людей [4].

Понятие социальной справедливости в массовой интерпретации выступает как связующее звено между правдой как идеальным нравственным состоянием и общественной жизнью. Отношение и к социальной справедливости, и к правде как высшей форме нравственности и основе всего сущего в российской культуре бескомпромиссное. Как одно солнце светит над всеми, так и одна правда – вселенская, высшая правда – освещает путь всем живущим на этой земле. И чтобы жизнь имела смысл, она должна быть служением этой высшей и абсолютной правде, а также поиску высшей, бескомпромиссной социальной справедливости.

Для русской общественно-политической мысли достаточно чуждо представление о справедливости в контексте правовых систем. Справедливость – это не часть права, а более высокая, чем Право и Закон, ценность. Такая интерпретация справедливости препятствует активным политическим действиям, направленным на политическое переустройство, на формирование социально-политических технологий преодоления несправедливости. Например, коммунистическая идеология препятствовала активным и самостоятельным политическим процессам, так как справедливость находилась в дискурсе «*достигнутого состояния*»; социальные процессы не становились объектом критического и вообще любого другого анализа. Социальная жизнь и отношения не только не обсуждались, но и фактически не осмыслились, не становились предметом рефлексии. Якобы достигнутая справедливость приводила к практически полной инволюции политических отношений. Политическая система превращалась в набор бюрократических механизмов удержания социальных связей в законсервированном состоянии.

Таким образом, сформировавшаяся в России исторически надличностная синкретическая трактовка социальной справедливости как «высшей правды» не предполагает рациональных действий, направленных на социальное переустройство общества. По мнению историков и культурологов, в России сформировался определенный социально-нравственный и культурный тип общественного устройства, который характеризуется соборностью, патернализмом, склонностью к коллективизму. Данный культурный тип – по Ю. Лотману он называется основанным на бинарных структурах – определяет массовые интерпретации социальной справедливости / несправедливости [5]. Доминирование в России социально-нравственных идеалов в виде дуальных оппозиций, инверсионно переходящих друг в друга полюсов, отмечает также А. Ахизер [6, с. 95].

Бинарные культуры жестко иерархичны, безальтернативны, направлены на сохранение и стабилизацию существующего порядка. В них отсутствуют культура и модели поведения, направленные на диалог, поиск договоренностей, на горизонтальное партнерство.

Социальные отношения, возникающие в бинарной (оппозиционной) культурной матрице, характеризуются:

– во-первых, односторонностью. Нижестоящий в иерархии субъект рассчитывает на покровительство вышестоящего, но, вступая в отношения подчинения, он не ждет обязательной награды. В любом случае отсутствие та-

кой награды никак не рассматривается как основание для прекращения отношений;

– во-вторых, неэквивалентностью. Они исключают психологию и те или иные ценности обмена, а также не допускают условно-конвенционального характера;

– в третьих, отсутствием не только гражданско-договорных отношений, но и любого договорного начала. Патерналистские системы всегда безальтернативны и безусловны. Патернализм в России и сегодня представляется имманентной частью не только политики, но и культуры, он считается социально и этически *справедливым*, даже несмотря на то, что в отношениях проявляется *явная асимметрия*. Субъекты соглашаются с тем, что не может существовать принципиального равенства социальных позиций и равенства / партнерства в отношениях ради «высшей» справедливости, связанной с сохранением и упрочением незыблемого порядка. Стабильность и властно-политических, и государственных (надличностных) институтов символизирует такую «высшую» социальную справедливость, ради которой многое можно (и должно) стерпеть или принести в жертву.

Таким образом, существенная трансформация политических институтов и социальной структуры российского общества, отмечаемая в последние двадцать лет, не была следствием изменений в базовых социально-нравственных предствлениях о справедливости. Анализ данной проблемы в историческом контексте показывает, что массовые интерпретации социальной справедливости основываются на определенной цивилизационной матрице, мало подверженной изменениям.

Понятие социальной справедливости в достаточно широких слоях общества распространяется в основном на надличностные институты. Высшей справедливостью считается укрепление государства, в частности его военной мощи, экономических институтов, властных структур. Политические и управленческие отношения во многом базируются на патернализме, стремлении к иерархичности и моноличности. Массовому распространению индивидуально-личностной трактовки социальной справедливости препятствуют низкая правовая и политическая культура, отсутствие традиций социального диалога, партнерства, умения достигать компромиссов, навыков критического анализа социальной и политической действительности.

Библиографический список

1. Фонд общественного мнения. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10263>
2. Герасимов П. Слово о законе и благодати митрополита Иларiona Киевского. URL: <http://pravostok.ru/blog/slovo-o-zakone-i-blagodati-mitropolita-ilariona-kiевского/>
3. Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.
4. Латаева В.В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции // Вопросы философии. 2010. № 5.
5. Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
6. Ахизер А.С. Архангация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2.